

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-494-502

Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе*

Д.В. Зайцев¹, И.Ю. Суркова², Ю.В. Селиванова³

¹Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина
ул. Политехническая, 77, Саратов, Россия, 410054

²Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Соборная, 23/25, Саратов, Россия, 410031

³Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410600

(e-mail: dvzsaratov@mail.ru; irina_surkova@mail.ru;
juliaselivanova@mail.ru)

В статье представлены результаты регионального социологического исследования параметров социально-экономического благополучия в Поволжском регионе. Категория благополучия включает параметры социальной удовлетворенности, доверия, напряженности и безопасности. Социальное благополучие отражает эффективность функционирования социальной системы, ее качество, компетенции власти в развитии социально-экономических процессов, создании социально-чувствительной (доступной, учитывающей интересы, комфортной) среды жизнедеятельности граждан. В ходе исследования были установлены зависимости между социально-экономическим благополучием и занятостью, материальным статусом граждан и динамикой миграционных процессов; эмпирически доказан низкий уровень вероятности конфликтов на этнической или религиозной основе в Поволжском регионе, высокая степень ощущения социального благополучия у молодежи, средняя — у представителей иных возрастных групп. На уровень этноконфессиональной напряженности влияет возраст респондентов: треть молодежи и граждан «активного трудового возраста» больше обеспокоены криминогенной обстановкой и конфликтами на национальной и религиозной почве, чем «пенсионеры». Трудоспособное население Поволжского региона с тревогой относится к собственному профессиональному благополучию, воспринимая мигрантов как конкурентов: в ряде случаев увеличение доли мигрантов способствует повышению конфликтности межэтнического взаимодействия. С повышением образовательного уровня степень социального доверия повышается, что позитивно для формирования толерантного отношения к окружающим. В целом по региону причин для опасений по поводу развития этнических конфликтов пока не наблюдается. Полиэтничность российского общества объясняет относительно высокую степень толерантности к приезжим, несмотря на множество риск-моментов.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальное неравенство; регион; социально-экономическая ситуация; социальное доверие; социальная напряженность; социальная сплоченность

* © Зайцев Д.В., Суркова И.Ю., Селиванова Ю.В., 2019.

Исследование выполнено при поддержке РНФ. Проект № 18-18-00321.

Статья поступила 11.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Социальная политика государства, в идеале являющегося гарантом безопасности жизнедеятельности граждан, призвана регулировать уровень социально-экономического благополучия, качества жизни, минимизировать социальную напряженность за счет нормотворческой деятельности, реализации национальных проектов и программ, стандартизации и унификации социальных услуг. С одной стороны, благополучие можно представить через равенство прав и возможность самовыражения, в том числе полноценного участия в жизни социума [12. С. 42], с другой стороны — через реальные показатели социально-экономического развития [10. С. 18]. При этом социальное благополучие определяется не только экзогенными, но и, в первую очередь, эндогенными факторами, так как во многом это субъективная оценка степени удовлетворения потребностей человека и социальной группы. Благополучие выступает сегодня своеобразным маркером индивидуальной, групповой и общественной удовлетворенности и успешности [7. С. 20; 9. С. 138; 14. Р. 52], а также эффективности власти и реализации мероприятий социальной политики государства.

Социальное благополучие характеризуется комплексом общепризнанных показателей, например, системой индексов бедности и индикаторов благосостояния, в которую входят устойчивость развития, безопасность (защищенность), политические права людей и состояние экологии [6. С. 428]. Однако все эти показатели составляют основу самооценки уровня и качества жизнедеятельности (объективного и субъективного). Каждый человек интерпретирует свое положение в социальной структуре с учетом комплекса взаимосвязанных параметров, совокупность которых и уровень реализации позволяют определить степень благополучия личности. К таким параметрам, прежде всего, относится экономический статус (размер дохода, условия проживания, владение имуществом), психофизический статус (здоровье, безопасность, установки, верования, убеждения), социальный статус (специфика экосистемы, социальные отношения, социальная активность, роли, компетенции, карьера) [5. С. 12]. В целом показатели субъективного благополучия ориентированы на удовлетворенность жизнью, работой, материальным положением, могут отражать уровень счастья, стресса и одиночества, степень депривации [3. С. 97]. Все они интегрированы, наравне с иными переменными, в индекс человеческого развития как показатель социального развития, репрезентирующий степень благополучия стран. Этот индекс интегрально отражает уровень материального благосостояния (валовый внутренний продукт в перерасчете на душу населения), демографическую ситуацию (ожидаемая продолжительность жизни), уровень образования (рассчитывается на основе показателей грамотности населения и средней продолжительности обучения). Данные показатели не информативны по отдельности и представляют картину благополучия или неблагополучия социальной системы лишь в совокупности [13. Р. 3; 1. С. 73].

Индикаторы социального благополучия взаимосвязаны с критериями социальной напряженности как отражением низкого уровня безопасности. Деструктивная характеристика социальной напряженности была дана многими российскими учеными, которые трактовали ее и как массовый адаптационный синдром, отражающий степень адаптации населения к фрустрации и социальным трудностям (А.Н. Сухов), и как индикатор социального конфликта, характеризующегося недо-

статочной маркированностью противостояния (В.О. Руковишников), и как результат длительного давления природной или социальной среды (А.В. Дмитриев) [4. С. 57]. Деструктивные проявления социальной напряженности зачастую связаны не только с уровнем социального благополучия, но и с процессами глобализации и военно-политическими угрозами, активизировавшими процессы миграции. Социальное благополучие противопоставляется социальной напряженности, один из векторов которой — проблема этноконфессиональности.

В 2018—2019 годы авторским коллективом был проведен социологический опрос методом анкетирования для выявления основных показателей социального благополучия и уровня социальной напряженности в Поволжском регионе. Исследование носит региональный характер и проведено в границах Саратовской области (в административных центрах). В выборку попали следующие муниципальные районы: Александрово-Гайский (12 465 жителей), Краснокутский (27 426), Марковский (49 609), Новоузенский (24 273), Питерский (13 141), Ровенский (13 766), Советский (21 920), Федоровский (16 122), Энгельсский (215 894), город Саратов (844 858). Выборочная совокупность составляет 1560 человек (ошибка — 2,54%). Объем выборки разбивался пропорционально численности населения с ориентацией на Саратов как административный центр с допустимыми отклонениями $\pm 5\%$. Дизайн выборки представлен следующими показателями: Александрово-Гайский район (127), Краснокутский (143), Марковский (139), Новоузенский (148), Питерский (114), Ровенский (130), Советский (116), Федоровский (109), Энгельсский (233) и Саратов (301).

В связи с особенностями объема выборочных совокупностей население было разделено на четыре когорты: «молодежь» 18—30 лет — группа, которая продолжает обучение или получила профессиональное образование и уже присутствует (могла бы быть представлена) на рынке труда (32%); «люди в активном трудовом возрасте» 31—45 лет — как правило, работающее население, имеющее семью и детей, сложившийся жизненный уклад (27%); «представители старшего трудоспособного и предпенсионного возраста» 46—54 лет (24%); «пенсионеры» старше 55—60 лет (17%). Незначительный перекоп в выборке объясняется целью исследования — изучение общественного мнения активного трудоспособного населения относительно социальной обстановки.

Оценка ситуации в Саратовской области во многом обусловлена уровнем социального благополучия, ощущением тревожности и частотой конфликтов, а также этноконфессиональной толерантностью. Факторы, как независимые влияющие на эту оценку величины, выстраивались, исходя из суждений респондентов, на четырехбалльной шкале: от полного согласия (1) до полного несогласия (4). Все сомнения опрошенных, отраженные в категории «затрудняюсь ответить», заменялись средними значениями соответствующих переменных, что позволило максимально сохранить единицы наблюдения. Для наглядности матрицы компонент не выводились коэффициенты с низкими значениями (менее 0,4), что помогло показать распределение переменных по факторам.

Опрашиваемым предлагалось оценить социальную обстановку в пункте проживания. Применяя метод варимакса, мы определили комплекс из трех факторов,

объясняющих 49% суммарной дисперсии: первый фактор объясняет 21% суммарной дисперсии, второй — 18%, третий — 10%. Анализ матрицы показал, что первый фактор, условно обозначаемый как «социальное благополучие», включает комплекс показателей: высокий уровень жизни в населенном пункте; взаимопомощь и взаимовыручка земляков; заинтересованность местной власти в решении проблем жителей; соблюдение прав человека и закона; развитие экономики и предпринимательства. В целом результаты исследования демонстрируют позитивное отношение респондентов к социальным условиям проживания в населенном пункте, благожелательные соседские интеракции, выполнение своих обязанностей властью, которая помогает решать проблемы населения, соблюдает закон, обеспечивает чувство безопасности и развивает экономику.

Второй фактор — «этноконфессиональная напряженность» — представлен высоким уровнем конфликтности по отношению к людям иной этнической принадлежности или религии, опасениями жителей Саратовской области по поводу мигрантов и иностранных рабочих, криминогенной и тревожной обстановки в области. Респонденты обеспокоены включением мигрантов в принимающее сообщество, которая опосредованно может спровоцировать межэтнические и межконфессиональные конфликты. Этому способствует криминогенная обстановка в районе, обусловленная ростом числа жителей с наркотической и алкогольной зависимостями, девиантным и/или делинквентным поведением. В статистике МВД России зафиксирован рост преступлений в Саратовской области [11] (второе место после Калининградской области по показателям зарегистрированных преступлений). Статистические данные не фиксируют этническую принадлежность основных акторов криминальных ситуаций, однако высокая криминогенность создает угрозу социальной безопасности в регионе и неблагоприятный социально-психологический фон для межэтнических взаимодействий.

Третий фактор — «социальное доверие» — сосредоточен на доверии к людям только сходной с респондентами национальности и религии. Соответственно, данный фактор фактически объединяет только два суждения о религиозном и этническом признании и косвенно свидетельствует о возможных нетолерантных взглядах (табл. 1).

Таблица 1

**Факторные нагрузки критериев оценки социального благополучия
в Саратовской области**

Критерии	Компонента		
	1	2	3
Уровень жизни людей в населенном пункте, в котором Вы живете, высокий	,609		
Обстановка в том месте, где Вы живете опасная, тревожная, криминогенная		,423	
Жители Вашего населенного пункта решают общественные проблемы сообща, помогают друг другу	,641		
Власть города/села помогает в решении Ваших личных проблем	,751		
В Вашем городе/селе соблюдаются права человека и закон	,693		
Единственная религия, которую вы признаете — Ваша религия			,829
Вы доверяете людям только Вашей национальности			,711
В Вашем городе/селе возникают конфликты на национальной почве		,875	
В Вашем городе/селе возникают конфликты на религиозной почве		,855	
Мигранты/иностранцы вызывают опасения у Вас и ваших близких		,539	
В Вашем городе/селе развивается экономика, предпринимательство	,648		

Согласно результатам опроса высокую степень социального благополучия ощущает каждый второй представитель молодежи (51%), тогда как для остальных возрастных категорий это не характерно. Позитивный взгляд на мир можно объяснить тем, что молодые люди, которые только начали свой профессиональный путь с азав освоения профессии в учреждениях среднего специального и высшего образования, не вполне адекватно оценивают реальность, поскольку большинство их проблем решалось родителями, близкими родственниками или друзьями семьи. Предсказуемыми оказались результаты, полученные при установлении связей между фактором социального благополучия и материальным положением семьи: большинство респондентов, позитивно оценивающих свою жизнь в Саратовской области (43%), имеют достаточно средств на относительно обеспеченную жизнь с возможностью дорогих покупок, в отличие от тех, кому приходится отказывать себе даже в покупке необходимых продуктов питания или лекарств. Среди последних 34% респондентов оценивают условия проживания (по выделенным критериям) как очень плохие, а 30% — как плохие. Соответственно, эта группа пессимистично настроена, считая уровень жизни окружающих их людей низким. Не все жители помогают друг другу в решении проблем, что характерно и для местной власти. Полученные эмпирические данные отчасти подтверждают результаты исследований в Челябинской области [2].

Интересным оказалось распределение ответов по районам Саратовской области. Так, позитивно оценивают условия проживания респонденты из Ровенского района (45%), Федоровского (36%), Краснокутского (33%) и Марковского (34%), тогда как среди жителей Новоузенского (9%) и Энгельсского (13%) районов оптимистов мало. Критично относятся к жизни в своем населенном пункте жители Новоузенска (25%), Энгельса (29%) и Саратова (28%), а также Питерского района (30%).

На фактор этноконфессиональной напряженности влияет возраст респондентов. Молодежь (35%) и люди в активном трудовом возрасте (31%) больше обеспокоены криминогенной обстановкой в районе и конфликтами на национальной и религиозной почве, чем пенсионеры (10%) и представители старшего трудоспособного и предпенсионного возраста (16%). Это можно объяснить тем, что интеграция мигрантов в принимающем сообществе так или иначе касается освоения ими рынка труда, и местное трудоспособное население с тревогой относится к собственному профессиональному благополучию, воспринимая мигрантов как конкурентов, особенно учитывая, что в среднем в Саратовскую область прибывает до 20 тысяч мигрантов ежегодно. Увеличение доли мигрантов в ряде случаев способствовало повышению конфликтности межэтнического взаимодействия, что затрагивало, в первую очередь, молодое поколение, характеризующееся неустойчивым положением на рынке труда. Полученные данные согласуются с результатами других социологических исследований, например, что на третьем месте в иерархии страхов современной молодежи находятся страхи экономического характера (от 21% до 27%), т.е. безработицы, бедности, вынужденного трудоустройства на низкооплачиваемую работу [8. С. 294].

Материальное положение также по ряду позиций связано со вторым фактором: сильная тревожность наблюдается у людей, не ограниченных в средствах (49%), а самая слабая — у тех респондентов (32%), кому приходится экономить на всем, даже на еде и лекарствах. Получается, что чем выше самооценка материального достатка, тем выше обеспокоенность своим благополучием, на которое могут повлиять сложная (в том числе криминогенная) ситуация в регионе и различного рода конфликты, прежде всего, на религиозной и национальной почве. Кстати, приверженцы ислама в меньшей степени обеспокоены проблемами межнациональных отношений (60%), чем православные христиане, для которых фактор этноконфессиональной тревожности значим (53%), что можно объяснить большим притоком мигрантов из мусульманских стран.

Фактор социального доверия связан с уровнем образования респондентов: доверяют людям только своей национальности и признают только собственную религию в большей степени люди со средним образованием (31%). С повышением образовательного уровня значимость данного фактора уменьшается: среднее техническое (специальное) образование — 28%, высшее (неоконченное высшее) — 22%, т.е. образовательный уровень определяет формирование толерантного отношения к окружающим. Кроме того, наблюдается превалирование третьего фактора у лиц старше 60 лет и его слабая выраженность у молодежи: представителям первой группы (31%) сложно довериться людям из других религиозных или этнических пространств, у молодежи все наоборот (61%). Фактор «социальное доверие» имеет максимальное значение для жителей Ровенского района (46%) и Марковского (42%) и очень слабое значение — для Новоузенского (37%) и Советского (39%), что, по всей вероятности, связано с внутренней политикой данных административных образований.

Результаты опроса демонстрируют зависимость уровня социального доверия от динамики миграционных процессов в населенном пункте. Степень доверия жителей принимающего сообщества к мигрантам, а также ценностная позиция в отношении представителей других этнических групп выступает одним из важных механизмов поддержания социального консенсуса в межэтнических и межрелигиозных вопросах. Почти половина респондентов (46%) отмечает увеличение числа иностранцев, которые остаются на постоянное жительство в муниципальном районе, что подтверждает его социокультурную, экономическую привлекательность. Немногим более половины респондентов Ровенского района отмечает динамичность миграционного притока в последние год—два. В Краснокутском и Советском районах с данным утверждением согласны более трети жителей. В таких территориально удаленных районах, как Александрово-Гайский, Новоузенский и Федоровский, доля абсолютно согласных с тем, что на территории стало больше иностранцев, колеблется от 10% до 14%.

Доверие выступает индикатором баланса социальных отношений этнических групп. Почти половина опрошенных (46%) высказывает доверие к представителям иных этнических групп, 27% — недоверие. Высокую степень толерантности и принятия этнического другого демонстрируют жители Степного (82%), Новоузенска (59%), Питерки (52%) и Красного Кута (50%). Доли жителей других районов варьируют от 33% до 43%. На наличие этнического конфликта в населенном

пункте указывает в среднем 14% жителей. Наиболее сложная ситуация отмечается в Краснокутском районе (26%), Ровенском (19%) и Саратове (17%), где возрастает иммиграционный поток. Однако в целом по региону поводов для опасений в отношении этнических конфликтов не наблюдается. Каждый четвертый житель (26%) скорее не согласен с утверждением, что в ближайший год проблема межнациональных отношений может обостриться; 31% категорически с этим не согласны; затруднились дать оценку текущей ситуации — 27% респондентов. Религия как фактор социального дисбаланса респондентами не воспринимается (49% не считают ее источником конфликтов).

Полученные эмпирические данные демонстрируют незначительную динамику по сравнению с результатами исследования социально-политической ситуации в Саратовской области, проведенного в 2016 году Социологическим центром Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (научный руководитель — В.Н. Ярская). Различия в данных укладываются в статистическую погрешность, что свидетельствует о стабильной социальной ситуации в Поволжском регионе.

Библиографический список

- [1] *Гареева З.К., Билалова Л.М., Иванова О.М., Черникова Т.А.* Современные теории социального благополучия. М., 2016.
- [2] *Голыков А.А., Гордеев С.С., Даванков А.Ю., Козлов В.Н.* Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе. Челябинск, 2009.
- [3] *Карабчук Т.С., Сальникова Д.В.* Объективное и субъективное благополучие: опыт сравнительного анализа стран Центральной Азии, России и Беларуси // Социологические исследования. 2016. № 5.
- [4] *Киселев В.И.* Социальная напряженность как социально-философская категория // Известия РГПУ А.И. Герцена. 2013. № 160.
- [5] *Костина Е.Ю.* Социальное благополучие и социальная безопасность в условиях глобализации современного общества // *Univsum: Общественные науки*. 2015. № 6.
- [6] *Маренкова Е.В.* Определение основных показателей благополучия на основе международных практик // Экономика России в XXI веке. Томск, 2015.
- [7] *Мерзлякова И.В.* Социальное благополучие: теоретико-методологический анализ // Сибирский социологический вестник. 2006. № 1.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.
- [9] *Петровская Ю.А.* Факторы социального благополучия как научная проблема // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2014. № 4.
- [10] *Попов Е.А.* Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2010. № 2. С. 16—23.
- [11] Состояние преступности в России за январь—декабрь 2018 года // <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ежемесячный%20сборник%20декабрь%202018.pdf>.
- [12] *Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н.* Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 4.
- [13] *Mahbub ul Inaugural, Sen A.* Advancing, Sustaining Human Progress: From Concepts to Policies: Human Development Report. N.Y., 2010.
- [14] *Caplan B.* Against the Human Development Index // The Library of Economics and Liberty. May 22, 2009.

Social-economic well-being and social tension in the Volga Region*

D.V. Zaitsev¹, I.Yu. Surkova², Yu.V. Selivanova³

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Politechnicheskaya St., 77, Saratov, Russia, 410015

²Petr Stolypin Povolzhsky Institute of Management —
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Sobornaya St., 23/25, Saratov, Russia, 410031

³Nikolay Chernyshevsky National Research State University of Saratov
Astrachanskaya St., 83, Saratov, Russia, 410600

(e-mail: dvzsaratov@mail.ru; irina_surkova@mail.ru; juliaselivanova@mail.ru)

Abstract. The article presents the results of the regional sociological study of the parameters of the social-economic well-being in the Volga Region. The well-being category consists of social satisfaction, trust, tension and security. Social well-being reflects the efficiency of the social system, its quality, the authorities' competence in the development of social-economic processes and of a socially sensitive (accessible, comfortable) social environment. The study identified connections between social-economic well-being and employment, financial situation and the dynamics of migration; and empirically proved the low likelihood of ethnic or religious conflicts in the region, the high level of social well-being as mentioned by the younger generations and the average one among other age groups. The level of ethnic and confessional tension is influenced by the age of the respondents: a third of the younger generations and of the working age are more concerned with the criminal situation and with conflicts on national and religious grounds than pensioners. The able-bodied population of the Volga Region is concerned about their professional well-being due to perceiving migrants as competitors: in some cases, an increase in the share of migrants contributes to conflicts in the interethnic interaction. With an increase in the educational level the degree of social trust increases, which is a positive factor for the tolerant attitude towards others. In general, there are no reasons for concerns about ethnic conflicts in the region. The multi-ethnicity of the Russian society explains the relatively high tolerance to migrants despite many risk factors.

Key words: social well-being; social inequality; region; social-economic situation; social trust; social tension; social cohesion

References

- [1] Gareeva Z.K., Bilalova L.M., Ivanova O.M., Chernikova T.A. *Sovremennye teorii sotsialnogo blagopoluchiya* [Contemporary Theories of Social Well-Being]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [2] Golikov A.A., Gordeev S.S., Davankov A.Yu., Kozlov V.N. *Kontseptualnye osnovy dinamiki blagopoluchiya naseleniya v regione* [Conceptual Bases of the Population Well-Being Dynamics in the Region]. Chelyabinsk; 2009 (In Russ.).
- [3] Karabchuk T.S., Salnikova D.V. Obiektivnoe i subiektivnoe blagopoluchie: opyt sravnitel'nogo analiza stran Tsentralnoj Azii, Rossii i Belarusi [Objective and subjective well-being: A comparative analysis of the countries of Central Asia, Russia and Belarus]. *Sociologicheskie Issledovaniya*. 2016; 5 (In Russ.).

* © D.V. Zaitsev, I.Yu. Surkova, Yu.V. Selivanova, 2019.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00321.

The article was submitted on 11.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

- [4] Kiselev V.I. Sotsialnaya napryazhennost kak sotsialno-filosofskaya kategoriya [Social tension as a social-philosophical category]. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta imeni A. Gertsena*. 2013; 160 (In Russ.).
- [5] Kostina E.Yu. Sotsialnoe blagopoluchie i sotsialnaya bezopasnost v usloviyah globalizatsii sovremennogo obshchestva [Social well-being and social security under the globalization of the contemporary society]. *Universum: Obshchestvennye Nauki*. 2015; 6 (In Russ.).
- [6] Marenkova E.V. Opredelenie osnovnykh pokazatelej blagopoluchiya na osnove mezhdunarodnykh praktik [Defining key indicators of well-being based on international practices]. *Ekonomika Rossii v XXI veke*. Tomsk; 2015 (In Russ.).
- [7] Merzlyakova I.V. Sotsialnoe blagopoluchie: teoretiko-metodologicheskyy analiz [Social well-being: A theoretical-methodological analysis]. *Sibirsky Sociologicheskyy Vestnik*. 2006; 1 (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazahstana i Chekhii): sravnitelnyj analiz strahov, nadezhd i opasenij [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [9] Petrovskaya Yu.A. Faktory sotsialnogo blagopoluchiya kak nauchnaya problema [Factors of social well-being as a scientific problem]. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N. Lobachevskogo*. 2014; 4 (In Russ.).
- [10] Popov E.A. Sotsialnoe blagopoluchie cheloveka v nauchnom diskurse [Social well-being in the scientific discourse]. *Sotsiologiya v Sovremennom Mire: Nauka, Obrazovanie, Tvorchestvo*. 2010; 2 (In Russ.).
- [11] Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 goda [The state of crime in Russia in January-December 2018]. <https://genproc.gov.ru/upload/iblock/aab/Ezhemesyachnyj%20sbornik%20dekabr'%202018.pdf> (In Russ.).
- [12] Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. Sotsialnaya splochnennost: napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsialnoj politiki [Social cohesion: Directions of theoretical discussion and prospects for social policy]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2014; 4 (In Russ.).
- [13] Mahhub ul Inaugural, Sen A. Advancing, Sustaining Human Progress: From Concepts to Policies: Human Development Report. New York; 2010.
- [14] Caplan B. Against the Human Development Index. *The Library of Economics and Liberty*. 2009; 5.